

Последние слова прозвучали поспешно, окрашенные едва уловимой, тихой грустью. Проекция альтерана словно не желала продолжать. Его холодный, чистый голос, подобный неторопливому лесному ручью, растаял в воздухе вместе с угасающим голографическим светом.

Все молчали. Оглушительное откровение лишило людей дара речи, разум отказывался вместить услышанное. Человечество действительно создали альтераны... А там, в невообразимо далеком мире Идо, правили Руны — те самые победители, о которых говорилось в записи. Они подчинили себе миллионы последующих лет, установив свой беспощадный порядок.

Обретя чудовищное бессмертие, они превратили бесчисленные расы в расходный материал — сосуды для переселения своего разума. Это походило на земной конвейер, непрерывно штампуемый живой товар, наделенный самосознанием.

«Товар».

Это бездушное слово, совершенно неуместное в отношении живых существ, здесь подходило как нельзя лучше.

В глазах Рун человечество было лишь дешевой поделкой, которую можно стереть в порошок в любой момент. Они создавали нас, они же вольны были нас уничтожить. Ситуация зеркально отражала извечные споры земных ученых об этичности искусственного интеллекта: как поступит человек, если созданные им машины обретут волю и душу?

Руны и альтераны — некогда единый народ, расколовшийся из-за непримиримых убеждений, — дали на этот вопрос два противоположных ответа.

Воспоминания о бойне, устроенной русалками Камера много лет назад, ледяной иглой вонзились в память. Хань Цзин невольно содрогнулся. Он гнал от себя поднимавшийся из глубины души ужасающий домысел. Но даже невысказанная, эта мысль затаилась на самом дне сознания, подтачивая волю, подобно прожорливому ледяному шелкопряду.

Форсети повернулся. Его ровный, размеренный голос нарушил гнетущую тишину. В нем не было эмоций — казалось, он давно предвидел этот неизбежный финал.

— Наш народ обречен, — тихо произнес он. — Последняя отчаянная попытка — лишь предсмертные судороги. Должно быть, это судьба, предначертанная Элохим в самый миг нашего сотворения.

— Создатели лепили нас как подопытных. Они намеренно оставили клеймо в глубине наших душ, в самом Хвере. Мы заперты в этой клетке. Мы боролись тысячи лет, но финал один — гибель нашей цивилизации.

— Но у вас, людей, еще есть шанс. Вы — последнее творение альтеранов. В отличие от нас или русалок Камера, в вашем разуме нет оков расовой памяти. Альтераны подарили вам абсолютную свободу. Они без остатка скопировали на вас свою систему Хвера. Не зря в послании раз за разом повторялось: вы делите с творцами один облик и наделены безграничным потенциалом.

— Если расчеты верны, Руны не смогут выследить вас по Хвер-меткам. Вам нужно бежать в глубины космоса. Используя пространственные переходы Атлантиды, вы оторветесь от погони, найдете далекую галактику и пригодную для жизни планету.

— Там человечество возродится. Там вы обретете истинную свободу...

Бегство в космос? Неизвестная планета в чужой галактике? Возрождение цивилизации?

Когда до присутствующих наконец дошел истинный смысл слов Форсети, все застыли в оцепенении. Люди надеялись, что явление Элохим и мощь Атлантиды помогут им отразить смертоносную угрозу, защитить свой дом. Оказалось, их призывали бросить родную землю, на которой человечество жило тысячи лет, покинуть колыбель цивилизации и уйти в холодную, смертельно опасную бездну неизвестности.

— Неужели это единственный выход?

— Неужели нет другого пути? — глухо спросил президент, и на его лице отразилась глубокая, невыносимая мука.

— У вас нет выбора... — безжалостно покачал головой Форсети, переводя взгляд на стоящего среди людей Хань Цзина. — Вы обязаны уйти до того, как Руны явятся сюда. Словно в вашей древней легенде, взойдите на Атлантиду, как на Ноев ковчег, и устремитесь к далеким звездам, чтобы заново отстроить свой мир.

— Я не знаю, прибыли ли Руны уже в эту систему...

—...но мы сделаем все, чтобы выиграть для вас немного времени. Действуйте немедленно. Собирайте припасы, медикаменты, все необходимое для выживания. Начинайте эвакуацию на Атлантиду. Отбирайте лучших представителей вашего вида, носителей здоровых генов.

— Никто не знает, сколько у вас дней или часов. И никто не скажет, как долго продлится это странствие сквозь бесконечную тьму, пока вы не отыщете тихую гавань для своего народа.

Поднялся невообразимый шум. Бежать без оглядки от грозных создателей — неужели человечество настолько беспомощно перед ними?

Но если даже великие Элохим потерпели крах и стояли на пороге гибели, какой выбор

оставался у людей, едва перешагнувших порог примитивных технологий?

Президент нахмурился. Тревога, сквозившая в речах Форсети, не оставляла сомнений: человечество стоит на пороге величайшего испытания в своей истории. Мешкать было нельзя. Какой бы тернистой ни казалась будущая дорога, пока сохраняется искра цивилизации, надежда жива. Лидер повернулся к помощникам и принялся раздавать быстрые, четкие приказы, начиная гонку со смертью.

Симо подошел ближе, бережно прижимая к груди спящую дочь.

— Видар сказал, что Хелен ничего не угрожает. Это правда? — голос Симо дрожал от сдерживаемых слез, когда он посмотрел на Форсети, в чьих словах никогда не сомневался.

— Хелен Стюарт... Красивое имя, — скользнув взглядом по милому личику ребенка и ее чистым фиолетовым глазам, Форсети мягко улыбнулся — редкое зрелище для сурового воина. — В ней течет кровь твоего союза с Лэнсом. К счастью, мы не обнаружили в ее душе никаких следов Хвер-печати. У Хелен нет расовой памяти Камера. В этом она пошла в своего человеческого отца.

— Правда?.. — Симо судорожно выдохнул, и из его груди вырвался тихий, прерывистый всхлип облегчения.

— Ты ведь понимаешь, что это значит?

— Да, — Симо опустил голову и кивнул. — Понимаю.

— Без врожденной памяти предков поначалу она может казаться чуть более медлительной, чем обычные дети, ведь она все же дитя двух разных видов. Но ее разум чист и развивается правильно. Со временем она ни в чем не уступит людям. То, кем она станет, теперь зависит лишь от ее усердия. Ей придется собирать знания крупица за крупицей, как это делают люди, а не получать их с рождения, как это заведено у нас.

— Это благословение... — Симо нежно коснулся губами лба дочери и прошептал: — Должно быть, альтераны предвидели этот день. Человеческие гены и человеческий Хвер оказались сильнее. Хелен родилась девочкой, а не двуполым существом. Кроме внешности, которую она унаследовала от меня, во всем остальном она копия Лэнса.

Форсети сочувственно посмотрел на Симо, а затем огляделся. Хань Цзина поблизости уже не было.

— Говорят, энергетические поля Атлантиды ведут себя странно. Приборы зашкаливают, вся планетарная магнитосфера идет вразнос!

— Всё куда хуже, поверь мне. Помимо тяжелейших боев в Балун-Дунъя, над Эвиду тоже нависла страшная тень.

— Какая тень? Слышали новость? Военная база CNA-12 внезапно ушла под воду. Полностью затонула. Выживших, похоже, нет.

— Как — нет?! Совсем никого?!

— Говорят, все погибли... Точно не знаю. Это случилось еще до того, как вмешались Элохим. Ходят слухи, правительство уже обратилось к ним за помощью в расследовании.

Обрывки чужих разговоров эхом отдавались в голове Хань Цзина. Тело сковал смертельный холод. Он метался от одного человека к другому, хватал их за рукава, расспрашивая, но никто не мог дать точного ответа. Все твердили лишь одно: база CNA-12 уничтожена. Пока он сражался в Балун-Дунъя, за тысячи миль отсюда его родной гарнизон бесследно погрузился на океанское дно. Ни причин, ни подробностей. На огромной площади не осталось ни одного истребителя, ни одного спасательного катера, ни единого живого человека.

Катастрофа грянула в одно мгновение и так же мгновенно прекратилась. Даже тучи вражеских мехов, застилавших горизонт, исчезли без следа, оставив после себя лишь чистое, пугающе пустое небо.

Оставшись без спутниковой связи, человечество оказалось отброшено в двадцатый век. Бескрайний океан превратился в глухую, непроницаемую стену. Никто не знал, что именно там произошло. Правительство терзали самые мрачные предчувствия — это чистое небо над головой не несло в себе покоя, оно вещало о скорой беде.

Но Хань Цзину было плевать на глобальные катаклизмы. В его мыслях билось лишь одно имя.

Кэтрин. Его маленькая дочь.

Она была на базе CNA-12!

Его руки мелко дрожали. Он метался по коридору, пытаясь узнать подробности у каждого, кто хоть шепотом упоминал катастрофу, но в ответ слышал лишь леденящие душу слова. Наконец он замер. В груди разлилась такая острая, невыносимая боль, словно его со всего размаху ударили наотмашь. Сделав несколько неверных шагов назад, он привалился спиной к холодной металлической стене.

Холод металла просочился сквозь одежду, заставив Хань Цзина содрогнуться и вырваться из оцепенения. Нет. Он не поверил в это. Лицо его исказила гримаса отчаяния, и, собрав остатки сил, он бросился бежать обратно.

Президент обязан знать правду! Он знает всё!

Это ложь. Обычные слухи, глупые сплетни, которые всегда плодятся во время войны!

Президент стоял на том же месте. Все остальные уже разошлись, рядом оставался только Форсети.

Услышав шум за спиной, глава государства прервал беседу и обернулся. Адъютанты пытались удержать рвущегося вперед Хань Цзина.

— Пропустите его. Идите, вы нужнее на погрузочных палубах, — приказал президент охране.
— Координируйте эвакуацию. Спасти как можно больше людей и доставить их на Атлантиду сейчас куда важнее, чем охранять мою персону. У нас почти не осталось времени!

Почувствовав, что хватка ослабла, Хань Цзин бросился вперед. У него не было сил даже на то, чтобы обратить внимание на присутствие Форсети. Голос его сорвался на хриплый крик:

— Что случилось с базой CNA-12?! Господин президент, мне нужны подробности! Всё до единого слова!

— Мне очень жаль, генерал-майор, — тихо произнес президент, и в его голосе проступила глубокая, искренняя скорбь. — Трагедия произошла внезапно. Никто не успел среагировать. База ушла на дно за считанные минуты. На данный момент... выживших не обнаружено.

— Ваш тесть, генерал Грант, Марко... и ваша дочь... все они погибли.

— Из всей семьи Норман теперь остались только вы. — Президент тяжело опустил руку на плечо Хань Цзина. Он сам потерял в этой войне жену и двоих сыновей, чьи тела так и не нашли среди руин уничтоженного Эвиду.

Президент пытался найти слова утешения, но Хань Цзин больше ничего не слышал. В ушах стоял невыносимый, нарастающий гул, словно пуля пробила его висок насквозь, разорвав разум на куски.

Боль. Невыносимая, леденящая боль. И дикая усталость.

Он застыл каменным изваянием, глядя перед собой остекленевшим, невидящим взором. Живой мертвец, лишившийся души.

Всего за один месяц все, кого он любил, ушли один за другим. Теперь погибла и его дочь — единственная ниточка, связывавшая его с этим миром. Жизнь окончательно потеряла смысл. Он словно низвергся в бездонный ад, из которого не было спасения. Конец жалкому,

мучительному прозябанию. Последняя причина дышать исчезла.

Он стоял без движения, даже не понимая, текут ли по его щекам слезы. Вокруг смыкался непроглядный ледяной туман.

Но раздался голос, сумевший пробиться сквозь пелену безумия и достучаться до его мертвого сердца.

— Порой оставаться в живых требует куда большего мужества, нежели смерть. Глядя на тебя, я сомневаюсь... хочешь ли ты узнать правду о своем спутнике, Морисе?

— Морис?.. — Это имя отозвалось в груди уколom ржавой иглы, заставив сердце болезненно сжаться. Хань Цзин с трудом сфокусировал взгляд.

— Для тебя это знание может оказаться... слишком жестоким, — Форсети нахмурился, и в его странных двойных зрачках отразилось мимолетное колебание.

Жалость? Неужели это холодное существо способно на сострадание? Хань Цзин смотрел на него сквозь пелену тупой, парализующей боли. Что еще могло напугать человека, который потерял абсолютно всё?

Хань Цзин ответил глухим, безжизненным голосом:

— Чего еще вы хотите? Попросить прощения? Теперь-то вы верите мне? Верите, что Морис был моим мужем?! А что вы делали тогда, мня себя высшей расой? С высоты своего величия вы просто вынесли человеку смертный приговор, даже не выслушав.

— Я ведь всё прекрасно понимаю. Скорее всего, Мориса давно нет в живых. В той адской космической мясорубке у таких букашек, как мы, не было ни единого шанса. Мы были просто овцами, которых вели на убой. Без надежды, без возможности спастись.

— Я лгал себе. Попытался заглушить боль, чтобы вынести этот кошмар и вырастить нашу дочь. Но теперь всё кончено. Ее больше нет. Мне незачем больше притворяться и цепляться за эту жизнь.

— Какая уж тут жестокость? Обычная смерть, неизбежный финал. — Хань Цзин внезапно осекся. В глубине души, вопреки здравому смыслу, он всё еще надеялся на чудо. Даже сгорая от горя, при упоминании имени Мориса он почувствовал, как задрожали губы.

— Скажи мне... его больше нет? — Он попытался говорить твердо, но слезы упрямо покатались по лицу.

— Я знаю эту боль, — не отвечая прямо, проговорил Форсети. В его вековых глазах промелькнула тень давней трагедии. — Я тоже видел, как гибли те, кто был мне дорог. Один за другим они сгорали в пламени звездных войн. В конце концов я остался один. Почти все уцелевшие Элохим — одиночки. Рано или поздно от невыносимых страданий чувства притупляются, и ты начинаешь смотреть на жизнь и смерть с полным равнодушием.

— Но я должен сказать тебе кое-что другое. Морис, скорее всего, жив. — Форсети пристально посмотрел на генерала. В его памяти всплыли кадры того судьбоносного сражения. Вокруг космической цитадели тогда разверзлась аномалия: колоссальная вспышка ослепительно-белого света, в миллионы раз превосходящая мощность любого лучевого оружия, в мгновение ока поглотила тысячи боевых кораблей в секторе.

— Жив?! — Хань Цзин схватил Форсети за плечи, прерывая его мысли. — Где он?! Он у вас?! Вы держите его в плену?!

Форсети молча покачал головой. Хань Цзин застыл, а затем озвучил тайну, которую так долго хранил в секрете — ту самую догадку, которой с ним когда-то поделился Симо:

— Значит... он один из альтеранов? — Ведь только существа уровня создателей могли уцелеть в том апокалипсисе.

— Альтераны мертвы, — отрезал Форсети. — Проекция ясно дала понять: они не смогли спастись от космической чумы. Чем совершеннее вид, тем быстрее он погибает.

— Но Руны ведь живы! Они существуют миллионы лет! Должно же быть исключение! Вдруг Морис — это то самое исключение?!

— «Вдруг»? Ты просто цепляешься за иллюзии.

Этот холодный ответ заставил Хань Цзина замолчать. Он действительно обманывал себя, малодушно боясь заглянуть в бездну иной, куда более жуткой правды. Он не хотел слушать дальше, но Форсети не собирался щадить его:

— Даже если бы он был альтераном... это сделало бы его чудовищем. Одним из тех, кого зовут Рунами.

— Они не способны победить чуму своими силами. Лишь забирая чужие тела и питаясь слепой верой низших рас, они обретают бессмертие. Мы знаем об этом не понаслышке. Наш народ на себе прочувствовал этот кошмар.

Форсети заговорил тише, открывая перед Хань Цзином трагедию своего народа:

— Вы привыкли считать нас высшими существами, хозяевами галактики. Но едва мы вышли за

рамки шестимерного пространства и попытались шагнуть на следующую ступень эволюции, на нас обрушилась кара. Прежде мы были безгранично преданны создателям. Как и миллиарды других существ в мире Идо, мы искренне, свято верили во всемогущих Рун.

— Пока однажды чистая случайность не открыла нам доступ к хроникам ушедших эпох. Истина перевернула наше сознание. Оказалось, Элохим — всего лишь инкубатор. Мы готовы были отдать жизнь за своих богов, а для них мы были лишь пустыми оболочками. Удобными сосудами для переселения их разума.

— Души богов слишком сильны. Обычное тело не выдержит такого присутствия — под воздействием космической чумы и ментального отторжения оно сгниет за месяц. Им нужны совершенные носители. Наш разум, воля и ментальная сила в сотни раз превосходят ваши. Если выражаться понятными тебе терминами: ваш мозг развит на десять процентов, наш — на шестьдесят.

— Нас взрастили искусственно. Мы — скот, подготовленный на убой ради их бессмертия. Поняв это, мы взглянули на историю мира Идо другими глазами. За миллионы лет под властью Рун расцветали и гасли сотни великих цивилизаций. Все они бесследно исчезли в горниле войн и катаклизмов.

— Теперь мы не сомневаемся: все эти великие расы разделили одну судьбу. Их тела послужили новыми оболочками для увядающих богов.

— Мы отказались стирать свою личность. Мы не захотели безропотно идти под нож. И тогда мы восстали — предали старую веру, чтобы сбросить рабские оковы и обрести свободу.

— Но мы проиграли. Боги безжалостны. И Руны, и альтераны давно лишились того, что вы называете душой. Чтобы продлить свое существование, они выжгли в себе любые чувства. У них нет любви, нет ненависти, нет сострадания. Лишь холодный, кристально чистый расчет. Они смотрят на вселенную с высоты своего абсолютного разума.

— Для них мы — насекомые. Станет ли человек горевать о раздавленном муравье? Руны никогда не испытывали привязанности к своим творениям. — Форсети замолчал, его взгляд, полный невыразимой горечи, остановился на лице Хань Цзина.

Мысли Хань Цзина путались. Он отчаянно пытался закрыться от ужасающих выводов, к которым его подталкивал собеседник.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь?!

— Морис любил меня! Я чувствовал это, я знаю! Он не может быть одним из этих чудовищ! Он не Руна! — сорвался на крик Хань Цзин. Но почему... почему и Форсети, и президент смотрят на него с такой бесконечной, удушающей жалостью?

Президент, доселе хранивший молчание, мягко сжал плечо генерала.

— Думаю, ты имеешь право знать правду, мальчик мой.

— Твоя судьба переплелась с судьбой Мориса гораздо теснее, чем ты думаешь. Взгляни на это.

— Президент кивнул Форсети.

Мягкое сияние вновь соткало из воздуха голограмму. Тот самый альтеран — прекрасный, словно высеченный из драгоценного нефрита — вновь предстал перед ними. На этот раз его лицо было суровым. По мере того как его холодный голос наполнял комнату, вокруг проекции начали проступать очертания удивительных, сказочных пейзажей.

Хань Цзин судорожно прижал руку к груди. Горло перехватило, глаза обожгло слезами. Перед ним оживали картины из его собственных снов. Те самые образы, из-за которых он просыпался по ночам в слезах. Иллюзия Атлантиды — место, где они с Морисом впервые встретились и полюбили друг друга. Место, которое он поклялся никогда не забывать.

Он хотел разрыдаться, но лишь крепче стиснул зубы.

— Если ты видишь эту запись, значит, он пробудился от векового сна, и в силу вступил наш последний протокол.

— Он был нашим звездным командующим, величайшим разумом нашей расы. И самым бездушным из нас. Именно он спроектировал Город богов и расколол наш народ, породив чудовищные этические разногласия. — Альтеран на мгновение замолчал, в его глазах проступила глубокая печаль. Он заговорил о позорных страницах их истории, о поражении, которое они так долго пытались предать забвению.

— Мы понимали, что проигрываем войну. Космическая чума косила наши ряды. Тогда мы предложили Рунам перемирие. Мы согласились покинуть нашу родину, Альциону-Венус, и навсегда уйти из мира Сириуса. Мы просили лишь об одном — позволить нам угасать в мире на окраине вселенной.

— Они приняли наши условия, но не собирались оставлять нас в живых. Им нужно было наше полное, окончательное истребление. Только так они могли спать спокойно, не опасаясь угрозы своему престолу.

— Они преследовали нас повсюду, координируя удары с предателями внутри нашего союза. И в конце концов мы с ужасом осознали, что главным палачом был наш собственный командующий. Он тайно служил Рунам. Поднялся невообразимый хаос. Мы пытались уничтожить его, но наши тела уже заживо гнили от космической чумы. Наша жизненная суть, наш Хвер, медленно растворялся. Эта боль... человеческий разум не способен представить ее. Она выжигала душу изнутри каждую секунду.

— И тогда Асир — так звали этого отступника — открыл свое истинное лицо. Им двигали непомерные амбиции. Он желал растоптать наши последние надежды. Ирония в том, что созданный им Город богов оказался слишком опасен даже для самих Рун. Те, кто обрел там бессмертие, начали панически бояться Асира. И они, объединившись со своими врагами, тоже возжелали его смерти.

— Мы не знаем, что произошло в недрах Города богов, но физически уничтожить Асира было невозможно. Единственный способ нанести ему смертельный урон — разрушить его Хвер, его первооснову. Помимо неизлечимой чумы, существовал лишь один естественный путь разрушения Хвера — рождение потомства. Для нашего вида продолжение рода означает передачу части своей жизненной сути ребенку. С каждым новым дитя Хвер истощается, лишая родителя бессмертия.

— Мы отсекали от себя чувства, чтобы жить вечно. Среди нас не было безумцев, готовых жертвовать бессмертием ради рождения детей, к которым мы все равно не испытывали бы эмоций. Для вечных существ потомство — это лишь признак скорой смерти, ненужная и опасная обуза.

— Тогда мы создали Иллюзию Атлантиды и заточили Асира в ней, наложив нерушимую печать. Мы задействовали все наши технологии, чтобы усыпить его разум и насильно вживить в него все те чувства, от которых наша раса отказалась миллионы лет назад. Мы вернули ему любовь, привязанность, боль утраты, ревность и страсть.

— Мы рассчитывали, что он тихо угаснет во сне. Без телесной оболочки его Хвер не должен был пережить тысячелетия. Но судьба изменчива, а Асир слишком хитер, чтобы смириться со своей участью. Мы знали, что он попытается вырваться и захватить чужое тело.

— Если это случится, Атлантида поднимется из океанских глубин, и запустится наш последний протокол. Иллюзия сотрет его божественную память, оставив лишь воспоминания смертного, чье тело он подчинил. Лишенный величия, он проживет человеческую жизнь. Он встретит в Иллюзии того, кто предназначен ему судьбой. Он полюбит его всей душой, свяжет с ним жизнь и познает все муки земной страсти. Великий бог, презирающий смертных, окажется у ног обычного человека. Разве это не лучшая кара? Не самое изысканное наказание?

— Он не сможет дышать без тебя. Он подарит тебе детей, с каждым разом отдавая им частицы своего Хвера. И когда его сила иссякнет без остатка, он тихо исчезнет, так и не поняв, кто он на самом деле. — Губы проецируемого альтерана дрогнули в едва заметной, издевательской улыбке. Он смотрел прямо на мертвенно-бледного Хань Цзина, безжалостно раскрывая перед ним эту страшную истину.